

софія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи. Это примѣръ для великихъ и малыхъ, которые хотятъ что-нибудь дѣлать, быть чѣмъ-нибудь полезными. Безъ непосредственнаго элемента все гнило, абстрактно и безжизненно, такъ же какъ при одной непосредственности все дико и нелѣпо. Но что жъ я разоврался? Вѣдь, вы и сами то же думаете, или по крайней мѣрѣ, чувствуете, можетъ быть, наперекоръ тому, что думаете.

Ну-съ, теперь о житейскихъ дѣлахъ. Во-первыхъ, вы не дали мнѣ отвѣта на мой вопросъ: хотите ли вы, по примѣру прошлаго года, составить обзоръ литературной дѣятельности за 1847 годъ по части русской исторіи? Знаю, какъ скучно писать нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же, а потому и не настаиваю. Но, вѣдь, это можно сдѣлать покороче, лишь бы видно было, что говорить человѣкъ, знакомый съ дѣломъ. Какъ вы думаете? Если согласитесь, то не откладывайте вдаль, и во всякомъ случаѣ, не замедлите прислать мнѣ ваше да или нѣтъ. Милотина зовутъ Владиміромъ Александровичемъ. Его адресъ: на Владимірской, въ домѣ Фридрихса, квартира № 54.

Насчетъ вашего зловреднаго и опаснаго для „Современника“ участія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ отвѣчу всѣмъ вамъ сразу. Я очень жалѣю, что потерялъ напрасно трудъ и время на длинное письмо къ Боткину и безъ пользы оскорбилъ людей, которыхъ люблю и уважаю. Дѣло вотъ въ чемъ: вы обѣщали статьи Краевскому, потому что, во-1-хъ, не видѣли въ этомъ вреда для „Современника“, во-2-хъ, потому что два журнала съ одинаково-хорошимъ направленіемъ лучше одного. Это ваше мнѣніе, и вы совершенно правы. Что касается насъ, мы думаемъ иначе. По нашему убѣжденію, журналъ, издаваемый (Краевскимъ).. не можетъ имѣть никакого направленія, ни хорошаго, ни дурнаго; а если „Отечественныя Записки“ доселѣ имѣютъ направленіе, и еще хорошее, это потому, что онѣ еще не успѣли простыть отъ жаркой топки, вы знаете кѣмъ сдѣланной, а потомъ еще отъ разныхъ случайностей, изъ которыхъ главная—участіе Дудышкина. Но уже, несмотря на то, противорѣчій, путаницы, промаховъ—довольно; погодите немного—то ли еще будетъ, несмотря на ваше участіе. Вспомните мое слово, если въ будущемъ году не появится тамъ такихъ статей и мнѣній, которыя лучше всѣхъ моихъ доводовъ охладятъ ваше участіе къ этому журналу. Далѣе, мы убѣждены, что у насъ два журнала съ одинаковымъ направленіемъ существовать не могутъ: одинъ долженъ жить на счетъ другого или оба чахнуть. Если, несмотря на вашу помощь „Отечественнымъ Запискамъ“, подписка на „Современникъ“ окажется хорошею, это будетъ несомнѣннымъ признакомъ паденія „Отечественныхъ Записокъ“. Но мы, благодаря вамъ, ожидаемъ противнаго. Тогда я въ особенности буду имѣть причины быть вамъ благодарнымъ. Вотъ наше мнѣніе. Вы стоите на своемъ, мы—на своемъ. Сорваться, стало быть, не изъ чего. Пиша мое письмо, я ожидалъ отъ васъ всякаго отвѣта, кромѣ того, какой вы дали. Если бъ я это предвидѣлъ, вмѣсто яростнаго и длиннаго письма, написалъ бы вамъ три-четыре спокойныхъ строки. И потому я беру назадъ мое письмо и рассказываюсь передъ вами въ его написаніи.

Что же касается статьи Аенасьева вы, милый мой Кавелинъ, вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало, меня поняли. Это мѣсто моего пись-

ма, взятое отдѣльно, дѣйствительно для васъ оскорбительно, а мнѣ мало дѣлаетъ чести. Если вы взглянете на него съ главной точки зрѣнія *всего письма*, вы увидите, что тутъ для васъ ничего нѣтъ обиднаго. Исклѣчительное участіе москвичей въ „Современникъ“ мы понимали какъ главную силу нашего журнала, и основываясь на ней, начали дѣйствовать широко и размашисто, въ надеждѣ будущихъ благъ. Оттого первый годъ принесъ убытокъ. Знай мы заранѣе, что вы поддержите Краевского въ тяжелую для насъ годину, мы повели бы дѣло иначе, поскромнѣе, т.-е. платили бы хорошія деньги только немногимъ, а всѣмъ остальнымъ поумѣреннѣе; тогда расходъ не превзошелъ бы прихода. Я совершенно согласенъ съ вами насчетъ достоинствъ статьи Аенасьева, но болѣе какъ статьи ученой, нежели журнальной. Считая васъ исклѣчительно нашими сотрудниками, мы и не думали видѣть въ 150 р. за листъ непомѣрно большой цѣны за эту статью; но теперь—другое дѣло: теперь мы имѣемъ причины горько жалѣть и о томъ, что, вмѣсто обѣщанныхъ 250 листовъ, дали 400, а, вѣдь, это сдѣлано не по вашему же совѣту. Поняли ли вы теперь смыслъ моихъ словъ по поводу статьи Аенасьева? Если нѣтъ, то вашу руку, извините меня, и забудемъ объ этомъ такъ, какъ будто бы я вовсе не писалъ, а вы не читали моего письма.

Что касается статей Фролова, еще прежде этой исторіи, лишь только я пріѣхалъ и узналъ о его безконечномъ Гумбольдтѣ, какъ содрогнулся и сказалъ Некрасову: это зачѣмъ вы печатаете?—„Да что жъ такое, онъ хорошъ съ Грановскимъ, почему жъ не напечатать?“—отвѣчалъ мнѣ Некрасовъ. Фроловъ человѣкъ умный, но умъ его пораженъ хроническою болѣзнію—не то насморкомъ, не то запоромъ. Такіе сотрудники—гибель для журнала. Но я, все-таки, не понимаю, чѣмъ я обидѣлъ Грановскаго, сказавши, что, изъ желанія сдѣлать ему пріятное, мы сдѣлали то, чтобы онъ на насъ вовсе не надѣялся, если бъ мы этого не сдѣлали, тѣмъ болѣе, что онъ насъ и не просилъ объ этомъ. Впрочемъ, чортъ знаетъ, можетъ быть, я какъ-нибудь неуклюже выразился; въ такомъ случаѣ, опять прошу извинить меня и дружески забыть все это.

Къ В. П. Боткину я не пишу по причинѣ слуховъ о его скоромъ прибытіи въ Питеръ: боюсь, что мое письмо его не застанетъ въ Москвѣ.

Вамъ, милый мой юноша, понравилось то, что Самаринъ говорить о народѣ: перечтите-ка да переведите эти фразы на простые понятія, такъ и увидите, что это цѣликомъ взятая у французскихъ социалистовъ и плохо понятая понятія о народѣ, абстрактно примѣненные къ нашему народу. Если бъ объ этомъ можно было писать, не рискуя впасть въ тонъ доноса, я бы потѣшился надъ нимъ за эту страницу. Повѣсть „Антонъ“—прекрасна, хотя и не божественна, какъ вы говорите. Читать ее—пытка: точно присутствуешь при экзекуціи.

Позвольте побранить васъ за неаккуратность. Вашему статьѣй (вторую) о книгѣ Соловьева вы поставили насъ въ затруднительное положеніе: 12 № долженъ раздуться чудовищно. Если бы вы недѣлями двумя раньше увѣдомили, что пришлете такую-то статью такого-то (приблизительно) размѣра, тогда изъ отдѣла „Словесности“ была бы выкинута комедія. Охъ, вы, москвичи, вѣчно полѣнитесь во-время сказать нужное слово!